

С.А. Есенин. Фото 1922

А. Н. ТОЛСТОЙ О С. А. ЕСЕНИНЕ

С. А. Коваленко

Самобытный талант и личность Сергея Александровича Есенина привлекали в течение многих лет пристальное внимание Толстого.

В воспоминаниях Н. В. Крандиевской-Толстой рассказывается о двух встречах с Есениным. Первая произошла в Москве весной 1917 г. Есенина привел к Толстым на Молчановку Н. Клюев. Он

читал много в тот вечер — вспоминает Крандиевская-Толстая: «В голубой косоворотке, миловидный, льняные волосы уложены бабочкой на лбу. С первого взгляда — фабричный парень, мастеровой... На столе стояли вербы. Есенин взял темно-красный прутик из воды.

— Что мышата на жердочке, — сказал он вдруг и улыбнулся.

Мне понравилось, как он это сказал, понравился юмор, блеснувший в озорных глазах, и все в нем вдруг понравилось. Стало ясно, что за простоватой его внешностью светится что-то совсем не простое и необычное.

Крутя вербный прутик в руках, он прочел первое свое стихотворение, потом второе, потом третье...»¹.

Вторая встреча случилась в Берлине в мае 1922 г. Тогда, по просьбе М. Горького, Есенин, прилетевший в Берлин вместе с Айседорой Дункан, был приглашен Толстым на завтрак. «Интересует меня этот человек», — вспоминает Крандиевская-Толстая слова Горького².

Впечатления об этой встрече нашли отражение в очерке М. Горького «Сергей Есенин», опубликованном в «Красной газете» в 1927 г.³

Известна встреча Есенина с Толстым на литературном вечере в Берлине. В газете «Накануне» сообщалось: «Литературный вечер с оригинальной программой устраивается 1 июня группой писателей в Блютнерзале (Лютцовштрассе). А. Н. Толстой прочтет доклад „О трех каторжниках“ (Есенин — Кусиков — Ветлугин). С. А. Есенин впервые полностью прочтет свою поэму „Пугачев“, поэму „Страна негодяев“ и „Нежное против шерсти“...»⁴.

Есенин о предстоящем выступлении знал заранее, о чем свидетельствует его телеграмма из Москвы в Берлин А. Кусикову: «Сандоро! пятого мая выезжаю. Сделай объявление в газетах о предстоящем вечере на обоих языках. Есенин»⁵.

В пору пребывания Сергея Есенина в Берлине в 1922 г. в «Литературном приложении» к газете «Накануне», редактируемом Толстым, были помещены его стихи: «Сторона ль ты, моя сторона!...», «Все живое особой метой...» и «Не жалею, не зову, не плачу...». К двум последним дано редакционное примечание: «Печатаемые здесь два стихотворения переданы сегодня, 11 мая, в 1 час дня автором, вылетевшим вчера в 9 час. утра из Москвы на аэроплане»⁶.

Первый отзыв о творчестве Есенина — рецензия А. Толстого о сборниках стихов поэта «Исповедь хулигана» и «Трерядница»⁷. В ней — концепция поэзии Есенина как явления эстетического и социального, стремление отделить сущность есенинского дарования, гуманистическую природу его лирики от мессианских настроений группы «Скифы» и формалистических ухищрений имажинистов. Публикуем текст этой рецензии (с небольшими сокращениями).

«Фамилия Есенина — русская-коренная, в ней звучат языческие корни — Овсень, Таусень, Осень, Ясень — связанные с плодородием, с дарами земли, с осенними праздниками, — начинает Толстой свою

рецензию, и продолжает — сам Сергей Есенин, действительно деревенский, русский, кудреватый, голубоглазый, с задорным носом. Ему бы холщевую рубашку с красными латками, перепояску с медным гребешком — и в Семик — плясать с девками в березовой роще. Такие, должно быть, в давно минувшие времена девкам этим в саду слагали, пели от избытка, от радости таинственного рождения слов, от хитрости, от веселья новые песни, слагали новые сказки.

Есенину присущ этот стародавний, порожденный на берегах туманных, тихих рек, в зеленом шуме лесов, в травяных просторах степей, этот певучий дар славянской души, мечтательной, беспечной, таинственно-взволнованной голосами природы...

Он пришел целовать коров,
Слушать сердцем овсяный хруст.
Глубже, глубже, серпы стихов!
Сыпь черемухой, солнца куст!..

Он весь растворен в природе, в живой, многоголосой прелести земли...

Я сегодня влюблен в этот вечер,
Близок сердцу желтеющий дол.
Отрок-ветер по самые плечи
Заголил на березке подол.

Живи Есенин триста лет тому назад, сложил бы он триста чудесных песен, выплакал бы радостные, как весенний сок, слезы умиленной души; народил бы сынов и дочерей, и у порога земных дней зажег бы вечерний огонь, — вкушал бы где-нибудь в лесном скиту в молчании кроткую и светлую печаль.

Но судьба сулила ему родиться в наши дни, живет он в Москве, в годы сатанинского искушения, метафизического престижительства, среди мерзлых луж крови и гниющих трупов, среди граммофонов, орущих на площадях проклятия, среди вшей, тухлой капусты и лихорадочного бреда о стеклянно-бетонных городах, вращающихся башнях Татлина и электрофикации земного шара.

Единый от малых сих искушен. Обольщенный, обманутый, раздробленный душевно, Есенин ищет в себе этой новорожденной мировой правды, ищет в себе подхода, бунта, разинщины.

Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад...

Милый, талантливый Есенин, никогда, сроду не были вы конокрадом, и не станвали с кистенем в голубой степи, — ведь только что еще вы говорили:

Буду петь, буду петь, буду петь
Не обижу ни козы, ни зайца...

И вдруг, ни с того ни с сего:

Я нарочно иду нечесанным
С головой, как керосиновая лампа на плечах...

Но, ведь конечно, не приставив себе вместо головы керосиновую лампу, не скажешь;

О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,—
Се изб бревенчатых живот
Трясет стальная лихорадка...

Кому нужно, чтобы вы изо всей мочи притворялись хулиганом?
Я верю вам и люблю вас, когда вы говорите:

...Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать...

Но, когда вы через две строчки выражает желание:—

...Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обо...ть...

не верю, честное слово... Милый Есенин, не хвастайте... Вас обманули, что луна — контрреволюционна... А «хулиганы», скифы⁸, вращающиеся башни и поэзобетоны, превратились уже просто в уездный эстетизм. Станьте снова крепче на землю, повторите:

...Я еще никогда бережливо
Так не слушал разумную плоть...»

Рассматривая Есенина в контексте конкретно-историческом, не затушевывая социального конфликта, Толстой вместе с тем провидчески отделял личность Есенина, его поэзию от мотивов и настроений, получивших развитие в циклах «Москва кабацкая» и «Русь бесприютная», в известной мере обусловивших после смерти поэта печально известное явление — «есенинщина». И здесь позиция Толстого близка концепции Маяковского, позже столь блистательно изложенной поэтом в стихотворении «Сергею Есенину» и в знаменитой статье «Как делать стихи». Одновременно с рецензией в «Литературном приложении» к газете «Накануне» Толстой публикует статью «О новой литературе», содержащую размышления о рождении новой личности, воплотившей в себе «весь трагический опыт страданий, буйства, безумия, восторга», личности, «сокровной революции». Характеристика, данная в этой статье Есенину, проникнута той же мягкой доброжелательностью, что и рецензия на «Исповедь хулигана» и «Трерядницу»: «Летит в Европу на аэроплане и, глубоко уверенный, что он сам — разбойник, вор и конокрад, читает в берлинских залах поэму о Пугачеве»⁹.

«Умер великий национальный поэт... День его смерти должен быть отмечен в литературе трауром...»¹⁰, — писал Толстой в своем отклике на смерть Есенина.

Эта национальная основа таланта Есенина со всей очевидностью открылась Толстому в эмиграции, вдали от родины, в пору напряженных размышлений о судьбах культуры, о ее связи с народным гением. В воспоминаниях Всеволода Рождественского содержатся

свидетельства об убежденности Толстого в нерасторжимой связи творческой личности с родной землей:

«Это было на палубе дачного парохода, в Финском заливе, в виду приближающихся зеленых берегов Петергофа.

Мы сидели тесным кружком под душным, туго натянутым тен-том. Море было гладким, точно вылитым из стекла, и сверкало ослепительно... Острый ветерок тянул со стороны Кронштадта, Есенин, тоже только что вернувшийся из-за границы, с расстегнутым воротом белой рубашки, загорелый, веселый, непривычно оживленный, прислонясь к борту, читал свои стихотворения — одно за другим — и, лихо встряхивал курчавой головой, словно бросал кому-то вызов молодости и силы. В этот вечер он был особенно в ударе, и все, кто слушал, не могли оторвать от него глаз. Но особенно поразило меня лицо Толстого. Ранее рассеянный и несколько апатичный, грузно сидевший на палубной скамье, сейчас он весь был полон внимания и даже подался вперед всем своим телом. Пальцы его все быстрее и настойчивее отбивали такт на правом колене. Вдруг Толстой резко сдвинул на затылок заграничную шляпу и тыльной стороной руки стер со лба внезапно выступивший пот. Потом встал, грузно шагнул к Есенину и широким жестом потрянул его за плечи. Широкая улыбка озарила его лицо.

— Вот это стихи! — сказал Алексей Николаевич и тяжело перевел дыхание. — Ну, молодец! Да с тебя, видно, ни в каких заграничных водах родной песни не смоешь, русская косточка! Ну, скажи, как ты там думал без нашей березы, без вот этого облака прожить? Не проживешь! Все это нам на роду загадано, и от своей земли не уйти никуда. Всюду она найдет тебя, голубчик мой! — Он широко обнял несколько смущенного Есенина и трижды, по-русски, поцеловал его. Потом, словно смутившись, насупился и вновь принял прежний сдержанный, несколько холодноватый вид»¹¹.

Толстой выделял национальную, патриотическую традицию русской лирики в поэзии Сергея Есенина. А. Дымшиц, издавший в 1940 г. в Малой серии Библиотеки поэта томик стихов Сергея Есенина, вспоминает: «Я подарил Толстому подготовленный мною томик стихотворений Сергея Есенина. В Барвихе, подмосковном доме Толстого, мне пришлось выслушать несколько интересных замечаний об этой книжке и моем предисловии к ней.

«— Вы верно пишете о влиянии Блока на Есенина, именно Блока „Стихов России“, — заметил Алексей Николаевич.

II, отложив в сторону книжку, откинувшись в кресле, он стал вспоминать знаменитый лирический цикл Блока. Он говорил об этих стихах в самых возвышенных выражениях, как о „школе патриотизма“, как о „поэзии первой любви к отчизне“»¹².

¹¹ Грандиевская, с. 194—195.

¹² Там же, с. 197.

¹³ Горький М. Сергей Есенин. — Полн. собр. соч. М.: Наука, 1974, т. 20, с. 69.

¹⁴ Там же. «Нежное против шерсти» — по-видимому, имеются в виду стихи из сборников «Исповедь хулигана» и «Трерядница». Стихотворение «Мир таин-

ственный, мир мой древний...» было напечатано в берлинском журнале «Вещь» (1922, № 3) под заглавием «Волчья гибель» в «Литературном приложении» к газете «Накануне» (1922, № 46, 21 мая), «Сторона ль ты моя, сторона...» и «Все живое особой метой...» в Литературном приложении к «Накануне» (1922, № 40, 14 мая).

⁵ Есенин С. Собр. соч.: В 5-ти т. М.: Худож. лит., т. 5, с. 154.

⁶ Накануне, 1922, № 49, 25 мая.

⁷ Новая русская книга (Берлин), 1922. № 1, с. 16—17.

⁸ «скифы. вращающиеся башни и поззобетоны» — Есенин был близок с литераторами, группировавшимися вокруг альманаха «Скифы» — Р. Ивановым-Разумником, А. Белым, Н. Клюевым, П. Орешиним. Одно время он вел переговоры с Маяковским о вхождении литературной группы «Имажинисты» в ЛЕФ (Левый фронт искусства), куда входили и конструктивисты. Художник-конструктивист В. Е. Татлин смонтировал из железа, стекла и дерева модель памятника III Интернационалу (см. также в кн.: Толстой А. Н. Нисхождение и преображение. Берлин, 1922).

⁹ «Литературное приложение» к «Накануне», 1922. № 62, 11 июня.

¹⁰ «Красная газета». 1925. № 316, 31 декаб.

¹¹ Воспоминания, с. 188—189.

¹² Там же, с. 335.